

Д.Н. Замятин

НИУ ВШЭ
ул. Мясницкая, 13, стр. 4, Москва, 101000
E-mail: dzamyatin@hse.ru

ПОСТУРБАНИЗМ И ХОЛОД: ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ОБРАЗЫ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ СЕВЕРНЫХ И АРКТИЧЕСКИХ ГОРОДОВ¹

Показана специфика формирования культурных ландшафтов и геокультурных образов северных и арктических городов в контексте концепции постурбанизма. Онтологическая и феноменологическая категория холода оказывает решающее влияние на становление как материальных и экспрессивных (ментальных) сред, так и идентичностей жителей северных городов. Образ холода рассматривается в качестве важного компонента символического капитала северных и арктических городов, а также как поле осуществления и борьбы различных постколониальных практик.

Ключевые слова: *постурбанизм, холод, культурный ландшафт, геокультурный образ, северный город, сопостранственность, идентичность, постколониальные практики.*

Онтология холода и специфика гуманитарно-географических исследований северных и арктических городов

Холод — вне всякого сомнения, ощущение и чувство, имеющее глубокие онтологические основания. Человеческие сообщества, их структуры, формы, функции, внутренние и внешние взаимодействия развивались во многом в борьбе с холодом и его производными (снег, лед, ветер) — особенно в умеренных и циркумполярных климатических зонах и природных поясах, а также в районах с резким континентальным климатом. Человеческие эмоции, связанные с холодом, часто имеют негативные коннотации и оттенки — мерзнуть и замерзнуть неприятно, а иногда, в критических ситуациях, и страшно. Тем не менее если человек тепло одет, не мерзнет, то он готов воспринимать холод или мороз позитивно, наделяя их положительными качествами. Борьба с холодом или противостояние ему определяет также активность и креативность человеческих сообществ, живущих в экстремальных условиях циркумполярных районов Земли. Кроме того, для относительно небольшой части людей, стремящихся к экстремальным ощущениям и преодолению экстремальных преград, холодные циркумполярные районы являются одним из наиболее притягательных полигонов осуществления подобных проектов. Наконец, семиотика и семантика бинарных оппозиций «тепло — холод» или «жара — холод», «горячо — холодно» могут зачастую определять и многие другие чувства и эмоции человека, от любви и радости до неприятия и ненависти². Таким образом, «холод» оказывается также важной экзистенциальной категорией; концептом, метафорой и образом-архетипом, благодаря которым во многом формируются жизненные миры человеческих сообществ и отдельных людей [Шартье, 2017; Friberg, 2009].

Культурные ландшафты холода являются амбивалентным антропологическим феноменом, фиксирующим сложную целостность уникальных геокультурных образов, пространственных представлений, совокупности способов адаптации к низким температурам и их последствиям [Богословская, Крупник, 2013; Замятин, 2015, 2017; Романова, Замятин, 2017; Larsen, Hemmersam, 2018; Nyseth, Viken, 2009], которая может меняться, трансформироваться в зависимости от технологических, политических, социальных и экономических условий и обстоятельств. Понятие холода и холодного ландшафта во многом относительно или субъективно, что может вести к наложениям, конфронтациям и взаимодействиям совершенно различных гео-

¹ Текст статьи подготовлен на основе доклада на пленарной сессии международной междисциплинарной конференции «Холод как преимущество. Города и криолитозона: традиции, инновации, креативность» (30 ноября — 1 декабря 2018 г., Якутск, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова).

² К. Леви-Стросс достигает максимального антропологического и одновременно метафорического обобщения, разделяя все человеческие культуры на «горячие» и «холодные» [1983]; см. также: [Греймас, Фонтаний, 2007]; яркие примеры в современной художественной литературе: [Xÿg, 2002; Friberg, 2009].

культурных образов, имеющих различный генезис³. Иначе говоря, холодные ландшафты коренных обитателей циркумполярных районов или же районов высокогорий или районов с резким континентальным климатом, вполне очевидно, могут не совпадать с теми же ландшафтами, осознаваемыми и репрезентируемыми людьми и сообществами, прибывающими извне и заселяющими, осваивающими эти территории.

Гуманитарно-географическая урбанистика, под которой я здесь понимаю исследования городских пространств с точки зрения формирования различных специфических культурных ландшафтов, локальных идентичностей и локальных мифов, а также географических образов [Замятин, 2005], является важным «когнитивным плацдармом», с которого можно развивать интересные и неординарные штудии холода и холодных ландшафтов⁴. С одной стороны, она может предоставить необходимый методологический и прикладной инструментарий для изучения урбанистических ландшафтов холода с учетом исследовательского опыта в городах различных размеров и рангов, с различным географическим положением в разных климатических зонах и природных поясах. С другой стороны, изучение холода, его воображения и восприятия, специфики его ландшафтных репрезентаций в арктических, северных или — шире — циркумполярных городах открывает перед гуманитарно-географической урбанистикой возможности и перспективы нового видения проблем урбанизма и постурбанизма как таковых — помимо собственно безусловной важности оригинальных ландшафтных исследований холодных городов Земли. Холод как поле урбанистических исследований оказывается крайне аттрактивным и привлекательным для инновационного научного поиска, поскольку он «обостряет» и провоцирует обсуждение ключевой проблематики постсовременного культурного ландшафтоведения, сосредоточенной на наличии/отсутствии пространственных репрезентаций и интерпретаций, знаково-символического локального кодирования, коммуникации, целостности городского воображения. В известной мере холод можно рассматривать и как один из ключевых концептов-триггеров, позволяющих ускорить развитие методологии, теории и практики постурбанизма [Замятин, 2018, 2019].

Феноменологические основы структуризации культурного ландшафта северных и арктических городов

Культурный ландшафт северного или арктического города, исследуемый типологически, представляет собой обобщенное единство, целостность геокультурных образов холода, снега и льда, ветра, редкой растительности, доминирования темного времени суток большую часть года, затрудненных транспортных коммуникаций и общения, специфических архитектурных и планировочных решений, направленных на борьбу с экстремальными природными условиями. Кроме того, в демографическом отношении северные и арктические города относительно невелики и могут характеризоваться чаще всего высоким уровнем миграционной активности, что ведет к относительно небольшим размерам базовых ячеек культурного ландшафта (культурных урочищ) и довольно высокому уровню изменчивости внешних (визуальных и экспрессивных) элементов ландшафта, а также его материальной составляющей (здания, сооружения, машины и т.д.). Сравнительная колористическая бедность природных составляющих культурного ландшафта арктического города может, как правило, замещаться разнообразной колористической гаммой искусственного происхождения и основываться на хорошо разработанных основаниях колористической политики циркумполярного урбанизма [Ефимов, 1990, с. 103; Хромов, 1987].

---

³ Глобальное потепление может оказать существенное влияние на восприятие и воображение холода в циркумполярных районах Земли в долговременной перспективе, однако уже сформированные системы геокультурных образов, действующие на протяжении длительного времени, могут быть достаточно устойчивыми в силу исторической инерции. В этом случае возможные содержательные изменения геокультурных образов холода, как и соответствующих репрезентаций культурных ландшафтов, скорее всего, будут связаны со значительным временным лагом, а сами поздние изменения могут занять довольно большое по историческим меркам время.

⁴ Здесь предварительно можно говорить о трех основополагающих исследовательских подходах (исследовательских «оптиках»): онтологическом, экзистенциальном и феноменологическом. Исследования онтологии холода предполагают концентрацию внимания на фундаментальной проблематике мира холода, когда бытие человека и человеческих сообществ непосредственно связано с определенной точностью отношения к холоду и его последствиям, а также с определяющей спецификой практически всех аспектов человеческой деятельности — как мышления, так и действия. Экзистенциальный подход ориентирован прежде всего на выяснение наиболее важных смыслов существования человеческих сообществ в условиях холода, а также стратегии их поиска. В рамках феноменологической «оптики» предполагается акцент на изучение тех или иных феноменов, возникающих в ходе взаимодействия сообществ и отдельных людей с пространством холода, а также между собой.

Тем не менее каждый северный город в силу своей уникальности и специфики требует разработки особой геокультурной или культурно-ландшафтной политики, направленной на поиск ментальных и материальных пространственных маркеров, которые могут способствовать формированию легко узнаваемых, аттрактивных и комфортных знаковых мест.

Холодный город формирует большую часть года довольно разреженное пространство коммуникаций. В то же время из-за относительно небольших размеров и сильной подверженности природным катаклизмам (буран, пурга, штормовой ветер, обледенение, снежные заносы, эпизодические нашествия каких-либо крупных животных и т.д.) он, как правило, может рассматриваться как условно «открытый природе», как, в большой мере, часть окружающего его холодного пространства циркумполярных широт. Наконец, занятия большинства жителей арктических и северных городов очень тесно связаны с окружающими ландшафтами, будь то рыбалка, охота, туризм или активный отдых [Taylor et al., 2016]. Другими словами, северные человеческие сообщества в гораздо меньшей степени выделяют себя «из природы», оставаясь, скорее, ее неотъемлемой частью; культура находится здесь внутри природы, не отделяя себя четкими границами от нее. Наряду с этим, именно те или иные колебания низких температур, а также увеличение или уменьшение темного времени суток фиксируют физиологические пороги, которые требуют выстраивания прочных оборонительных сооружений, материальных и знаково-символических «бастионов», охраняющих человеческие тепло и свет.

Структурирование холодных культурных ландшафтов опирается, прежде всего, на механизмы рационализации экспрессивных визуальных объектов вне зависимости от их природного или искусственного происхождения. Ключевые экспрессивные маркеры могут быть связаны как с гиперболизацией и подчеркиванием признаков абсолютного или экстремального холода, так и, наоборот, с указанием на успешное преодоление холода как препятствия и преграды; то же может относиться и к знаково-символическому конструированию тьмы как признака особо холодного периода года. Арктический город — пространство, чья визуальность может показаться ненормативной и непривлекательной внешнему наблюдателю в силу особых технологических и планировочных решений, призванных защитить его жителей от сильных холодов, а здания и сооружения — от преждевременного разрушения. Разрастание внутренних крытых пространств в больших общественных зданиях (торгово-развлекательные центры, спортивные сооружения, культурно-выставочные комплексы), огражденных от проявлений экстремальных природных условий, иногда широкое культивирование оранжерей с теплолюбивыми растениями, порождают процессы интровертирования культурного ландшафта, когда искусственная среда означает или символизирует имплементацию холодного и темного пространства в теплое и светлое [Шубенков, Благодетелева, 2015; Kenny, 2017; Løkken, Haggärde, 2016]. Таким образом, культурный ландшафт северных городов может представлять собой своего рода паззл, «поскутное одеяло», мозаику повседневных и знаковых мест, резко поляризованных с точки зрения эмоциональных переживаний психофизиологического комфорта/дискомфорта.

Структура коммуникаций и становление идентичностей в культурном ландшафте арктических городов

Коммуникативное пространство северного/арктического города связано, как правило, с избирательной и «точечной» мобильностью отдельных сообществ и людей, ограничиваемой особыми климатическими и природными условиями [Подвинцев, 2016; Сабурова, 2016]. С одной стороны, не всегда многочисленные места непосредственной общественной коммуникации могут иметь повышенное знаково-символическое значение в силу их относительной лимитированности и важности для определенных, зачастую небольших групп или индивидов; с другой стороны, сами способы коммуникации оказываются тесно связанными со спецификой конкретных мобильностей как в плане их содержания, так и в плане выражения: так, сильный мороз или пурга могут привести к отмене назначенной встречи, переведя при возможности общение в виртуальное пространство, становящееся иногда доминирующим коммуникативным полем. Вследствие относительно небольших демографических размеров арктические города формируют культурные ландшафты с увеличенной долей знаковых мест коммуникативного происхождения и значения, при этом, как уже отмечалось ранее, их эмоционально-экспрессивные репрезентации могут опираться как раз на соответствующие оппозиции «холод — тепло», «холодно — горячо» и т.п. [Eliasson et al., 2007]. Холод выступает здесь и как реальный субстанциальный агент, поляризующий, активно структурирующий коммуникативное городское пространство,— и как архетипический символ и геокультурный образ,

позволяющий наделить и насытить немногочисленные места коммуникации ключевыми для их посетителей значениями и смыслами.

Геокультурные образы северных и арктических городов генетически связаны с повышенной мобильностью их основателей и жителей [Замятина, 2014, 2016а; Laruelle, 2017]. Если сказать грубо и обобщенно, то холод заставляет двигаться, ходить или бегать — иначе замерзнешь. Однако глубинные смыслы основания и развития таких городов с большей вероятностью, чем в случае городов умеренных и более близких к экватору климатических зон, увязываются с традиционно высокой подвижностью сообществ коренных и малочисленных народов, остававшихся до вторжения или прибытия новых сообществ чаще всего на номадической и преурбанистической стадии [Швайцер, 2016; Tomiak, Patrick, 2010]. Креолизованные городские сообщества северных городов, состоящие из разных по происхождению людей, характеризуются не только высокой миграционной активностью из-за очевидных жизненных циклов, часто начинающихся за пределами Севера и Арктики, разворачивающихся на Севере и оканчивающихся часто уже за его пределами, но и стремлением к повышенной повседневной мобильности, связанной как с проблемами выживания, с физически трудными работами, часто с развитием предприятий добывающих отраслей производства, так и с формированием особого образа жизни, ориентированного на архетипы постоянного движения и условного кочевничества [Головнев, 2015; Хайтун, 1982].

Идентичности жителей северных и арктических городов можно определить как крайне подвижные, мобильные, все время трансформирующиеся и, в свою очередь, трансформирующие городские культурные ландшафты [Gerlach, Kinossian, 2016]. Коренные жители Севера и Арктики — как представители коренных малочисленных народов, так и люди, чьи родители или деды впервые приехали сюда несколько десятилетий назад, — формируют уникальные городские сообщества, воспроизводящие традиционные ценности и обряды, связанные в том числе с высокой мобильностью [Peters, Andersen, 2013; Nyseth, Pedersen, 2014]. Сакральный или парасакральный характер этих ценностей может репрезентироваться в различных периодических проводящихся индивидуальных и общественных мифоритуальных мероприятиях, манифестациях или коммеморациях (например, праздники встречи зимы) [Несмелая, 2013; Романова, 1993]. Наряду с этим часть жителей северных городов живут в них сравнительно недолго, прибывая в целях работы на непродолжительный срок или работая вахтовым методом, — эти люди, транспонируя свои исходные идентичности на северный культурный ландшафт, обретают так или иначе временные, постоянно стирающиеся и вновь возникающие городские идентичности, изначально связанные с повышенной, в том числе с маятниковой, подвижностью [Эйльмштейнер-Саксингер, 2010; Silin, Tkacheva, 2015]. «Амальгама» довольно разнородных территориальных идентичностей, налагающихся друг на друга, пронизывающих друг друга, создает специфические, иногда космополитические городские ландшафты северных городов, в которых геокультурные образы холода могут играть консолидирующую и объединяющую роль.

Геокультуры северных городов: проблемы дифференциации и постколониальные практики

Северные и арктические города, небольшие, как правило, в демографическом отношении, расположены также на редко- или слабозаселенных территориях. Можно сказать, что они чаще всего находятся в своего рода «пустыне». Эти города сами по себе «редки», их немного, в силу чего их культурные ландшафты оказываются, если так можно выразиться, *сверх-уникальными* и «островными» для данной территории — они становятся ядрами и местами высокой концентрации определенных геокультурных образов, мифов и идентичностей. В известном смысле культурные ландшафты северных и арктических городов имеют гораздо более высокую уникальную образно-символическую консистенцию (так же как и в зонах более южных пустынь или высокогорий), сопровождаемую также большей интенсивностью геокультурных событий и манифестаций, нежели в демографически более крупных городах на более плотно освоенных территориях.

В то же время, будучи очень часто монофункциональными по своей экономической структуре и ориентированными на развитие добывающих отраслей, северные и арктические города достаточно «хрупки», их взлеты и падения во взаимосвязи с историей развития отдельных стран и регионов показывают также хрупкость их культурных ландшафтов, чьи репрезентации могут отражать стадии упадка, руинирования или длительной консервации жилых кварталов, административных и промышленных зданий, технологической и общественной инфраструктуры [Замятина, 2018; Saxinger et al., 2016]. Понятно, что в таких случаях роль холода оказывается весьма существенной, показывающей относительно недолговечность и высокую степень неустойчивости городских ландшаф-

тов Севера; локальные геокультурные образы ухода, изгнания, распада, разложения и смерти тесно ассоциируются здесь с образом холода и снега как «белого савана».

Причина бытия в холодном мире, создание различных онтологий и феноменологий холодных миров определяют противоречивую, амбивалентную экзистенциальную сущность культурных ландшафтов арктических городов. Эти ландшафты максимально гетеротопичны уже в силу того, что холод переживается, воображается и воспринимается прежде всего телесно; острые телесные ощущения становятся основой различных психоэмоциональных состояний. Разные геокультуры арктических городов — геокультуры коренных народов, иммигрантов, хорошо укоренившихся и освоившихся; вахтовиков-временщиков, не рассчитывающих оставаться здесь надолго [Смирнов, 2017], — все они могут демонстрировать своеобразные, отличающиеся друг от друга реакции на холод и его составляющие, формировать свои ландшафты, включающие или, наоборот, исключаящие образ холода как ядро собственных — позитивных, нейтральных или негативных — представлений о территории. В этом смысле одно и то же место, городское урочище или целостный ландшафт могут обладать огромной гаммой, широким спектром разнообразных, расходящихся телесных образов, чьи «холода» будут иметь совершенно различные репрезентации и будут связаны с разными эмоциональными аффектами. Один и тот же северный город может «производить» множество дифференцированных образов холода, объясняющих его геокультурной мозаичностью.

Производство холода в образно-символическом и феноменологическом смыслах, так же, как и производство пространства [Лефевр, 2015], может стать полем взаимодействия, согласования интересов, борьбы не только различных геокультур, но и политических, бюрократических группировок или же коммерческих компаний и корпораций. Традиционные мифологические образы и мифоритуальные практики коренных северных и арктических народов, связанные с холодом и его символическими коррелятами, могут стать предметом незаметной экспроприации и трансформации со стороны заинтересованных крупных политико-экономических акторов, автохтонных или внешних для данного города или региона. Геокультурные образы холода во многом определяют символические капиталы многих арктических городов и поселений [Замятина, 2016b]. Соответственно эти символические капиталы могут в значительной степени преобразовываться в конкретные бизнес-проекты, определяющие далее и экономическую, и финансовую капитализацию данных населенных пунктов и их прилегающих территорий. Сложные переплетения культурных, экономических и политических ландшафтов арктических городов в их криогенной проекции могут в известной степени репрезентировать специфические *постколониальные практики*, фиксирующие в том числе не только финансовую, но и образно-символическую эксплуатацию тех или иных территорий [Hanrahan, 2017; Huggan, Jensen, 2016; Thisted, 2017; Ween, Lien, 2016].

Холодные города и постурбанизм: к новым картографиям воображения

Холод является имманентной субстанцией, присутствующей в разных природных стихиях — воде, воздухе, земле; ледяная вода и холодный воздух, промерзшая земля и скрипящий под ногами снег оказываются непосредственными геокультурными репрезентантами холодных пространств, которые выступают одновременно в качестве фундаментальной стихии и базовой плоской онтологии, формирующей различные геокультурные сочетания и системы, культурные ландшафты, включающие разномасштабные феномены материальных и экспрессивных холодных сред. Это означает, что, с одной стороны, холод способствует интенсивной детерриторизации, раскодированию различных детальных территориальностей, связанных с теплым временем года, становлению гладких кочевых пространств белой «светящейся» тьмы, трансцендирующей образы небытия и смерти, а с другой стороны, те же проявления холода вызывают к жизни локальные процессы ретерриторизации, порождающие вновь «рифленные» пространства человеческих сообществ, domesticiрующих, «одомашнивающих» снег, лед, ветер, вечную мерзлоту как неотъемлемые части их жизненных миров [Делез, Гваттари, 2008, 2010]. Холодные геокультуры так воображают, конструируют, проектируют и строят свои поселения и города, чтобы, застывая и отогреваясь, глубоко ощутить, прочувствовать и прожить гетерогенные ландшафты трансграничных потоков реальности-и-воображения.

Постурбанизм и феномен постгорода как таковой во многом основаны на идее сопостранственности, развивая которую можно представить постгородскую реальность как бесконечное множество параллельных, сосуществующих дискommunikативных интенсивных потоков пространственностей, порождающих также множество подвижных событий-сопостранственностей, в рамках которых развиваются новые типы коммуникаций и коммуникативности [Замятин, 2018,

2019]. Холод как автономная онтология и культурный ландшафт северного города могут быть феноменологическим базисом динамического постурбанизма северных и арктических территорий, поскольку они изначально характеризуются «обостренными» проявлениями детерриторизации, сильным обособлением тела и телесности, создающим строго регламентированные потоки мобильностей и коммуникаций. Тело, защищающееся от холода, с одной стороны, создает с помощью специфической одежды, особой архитектуры и планировки и оригинальных режимов передвижений «эшелонированную систему обороны», а с другой стороны, оно стремится, при наличии жестко локализованных очагов тепла, всячески разоблачиться, раздеться, показаться как можно более эротичным и коммуникативным, строя тем самым множество новых мобильных, часто спонтанных ситуаций-соприкосновенностей [Harbo, Roto, 2016; Levander, 2009]. Можно сказать, что холодные города оказываются феноменологическим полем, катализирующим постурбанистическое развитие, причем генерируя его особенную версию, связанную с повышенной ролью сакрально-соматического аспекта (телесность может выступать здесь как подвижная онтологическая ось соприосновенности, включающей ее пост-традиционную сакрализацию).

Специфические формы постурбанизма, которые могут порождаться геокультурами холодных городов циркумполярных областей, могут быть также источниками новых метагеографий городских пространств [Замятин, 2005]. Наука, искусство, литература и философия, исследующие различные репрезентации ландшафтов холода, должны акцентировать свое внимание на многочисленных картографиях воображения, описывающих миры циркумполярных соприосновенностей. Анализ подобных картографий и лежащих в их основе локальных «машин желанья» может помочь выявлению наиболее важных геокультурных образов холода, характерных для нашей эпохи. Наложения, пересечения и взаимодействия этих образов и фрагментов постгородских реальностей создают возможности для эффективного геокультурного брендинга северных и арктических территорий [Замятин и др., 2017; Фох, 2018].

Заключение

Итак, холодные ландшафты северных и арктических городов представляют собой поле развития новых оригинальных опытов соприосновенностей, формирующих новые постгородские реальности. Холод как онтологическая и экзистенциальная категория способствует созданию специфических геокультурных образов северных и арктических городов, ориентированных на повышенный уровень коммуникации в экстремальных природно-климатических условиях. В становлении локальных событий-соприосновенностей в северных городах гораздо большую роль, нежели в городах с более мягкими природными условиями, играет проблематика постоянно меняющейся феноменологии телесности, обеспечивающей мобильные форматы коммуникации и общения. «Островной» характер коммуникативной городской деятельности в холодное время года ведет к становлению новых картографий воображения, опирающихся на приращение экзистенциальных смыслов темного времени года, образов снежного и ледяного пространства. В целом северные и арктические города — это мощный «когнитивный плацдарм» для более глубоких интерпретаций постурбанистического тренда, являющийся серьезным вызовом для концепции постурбанизма. В перспективе геокультурные и культурно-ландшафтные исследования северных и арктических городов могут оказаться одним из наиболее важных источников ускоренного развития новых онтологий мобильных систем расселения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Богословская Л.С., Крупник И.И.* (сост., ред.). Наши льды, снега и ветры: Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки. М.; Вашингтон: Ин-т наследия, 2013. 360 с.
- Головнев А.В.* Арктическая мобильность: Технологии и стратегии // Северо-восточный гуманитарный вестник. 2015. № 4 (13). С. 7–11.
- Греймас А.Ж., Фонтаний Ж.* Семиотика страстей: От состояния вещей к состоянию души. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 336 с.
- Делёз Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. 670 с.
- Делёз Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 894 с.
- Ефимов А.В.* Колористика города. М.: Стройиздат, 1990. 272 с.
- Замятин Д.* Локальные истории и методика моделирования гуманитарно-географического образа города // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. М.: Ин-т наследия, 2005. Вып. 2. С. 276–323.

Замятин Д.Н. Геокультурное пространство Арктики: Онтологические модели воображения // Мир психологии. 2015. № 4. С. 135–142.

Замятин Д.Н. Арктические геокультуры: Ландшафт, сопостранственность и онтологические модели воображения // Геокультуры Арктики: Методология анализа и прикладные исследования. М.: Канон+, 2017. С. 81–93.

Замятин Д.Н. Постгород: Пространство и онтологические модели воображения // Политические исследования. 2018. № 3. С. 147–165. DOI: 10.17976/jpps/2018.03.10.

Замятин Д.Н. Постгород (II): Картографии воображения и политики сопостранственности // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 1. С. 9–35. DOI: 10.17323/1728-192x-2019-1-9-35.

Замятин Д.Н., Курилова С.Н., Дьяконова В.Е. Геокультурный брендинг арктических территорий (на примере моделирования базового географического образа тундры // Геокультуры Арктики: Методология анализа и прикладные исследования. М.: Канон+, 2017. С. 454–477.

Замятина Н. Социальная лесотундра: Географическая подвижность как элемент семейных траекторий жителей северных городов (на примере Норильска и Дудинки) // Неприкосновенный запас. 2014. № 5 (97). С. 189–208.

Замятина Н.Ю. Арктическая урбанизация как фронтир // Научный вестник ЯНАО № 3 (92). Обдорья: История, культура, современность. 2016а. № 3 (92). Тюмень. С. 114–120.

Замятина Н.Ю. Символический капитал территории в контексте арктических миграций: Взгляд из Норильска // ЭО. 2016b. № 4. С. 45–59.

Замятина Н.Ю. Арктические города между Сциллой и Харибдой. 2018. URL: <https://goarctic.ru/live/arkiticheskie-goroda-mezhdu-stsilloy-i-kharibдой/> (дата обращения: 09.09.2019)

Леву-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1983. 536 с.

Лефевр А. Производство пространства. М.: StrelkaPress, 2015. 432 с.

Несмелая А.С. Сохранение традиций коренных малочисленных народов Севера: (Социокультурный анализ на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) // Вестник ТГУ. 2013. Вып. 2 (118). С. 95–99.

Подвицнев О.Б. (отв. ред.). Российская Арктика в поисках интегральной идентичности. М.: Новый хронограф, 2016. 207 с.

Романова Е.Н. Якутский праздник Ысыах: Истоки и представления. Новосибирск: Наука, 1993. 159 с.

Романова Е.Н., Замятин Д.Н. Холодный мир: Два полюса измерения // Геокультуры Арктики: Методология анализа и прикладные исследования. М.: Канон+, 2017. С. 6–13.

Сабурова Л. Бескрайний Крайний Север: Границы арктической идентичности // Неприкосновенный запас. 2016. № 5. С. 69–94.

Смирнов Н.А. Композиция геокультур Арктики: Новые основания геокультурного анализа // Геокультуры Арктики: Методология анализа и прикладные исследования. М.: Канон+, 2017. С. 38–81.

Хайтун А.Д. Экспедиционно-вахтовое строительство в Западной Сибири. Л.: Стройиздат, 1982. 176 с.

Хёг П. Смилла и ее чувство снега. СПб.: Симпозиум, 2002. 560 с.

Хромов Ю.Б. Ландшафтная архитектура городов Сибири и Европейского Севера. Л.: Стройиздат, 1987. 200 с.

Шартье Д. Что такое воображение Севера? // Геокультуры Арктики: Методология анализа и прикладные исследования. М.: Канон+, 2017. С. 13–28.

Швайцер П. Коренные народы и урбанизация на Аляске и на Канадском Севере // ЭО. 2016. № 1. С. 10–22.

Шубенков М.В., Благодетелева О.М. В поисках градостроительных принципов развития северных поселений // Градостроительство. 2015. № 3 (37). С. 76–81.

Эйльмштейнер-Саксингер Г. Множественные локальности и социальные пространства межрегиональных вахтовиков: Дом-Дорога-Вахта // Крайний Север: Особенности труда и социализации человека — Биография, вахтовый труд и социализация человека в северном индустриальном городе: Материалы науч.-практ. конф. (4–6 дек. 2008 г.). Новый Уренгой, 2010. С. 116–126.

Eliasson I., Knez I., Westerberg U., Thorsson S., Lindberg F. Climate and behavior in a Nordic city // Landscape and Urban Planning. 2007. Vol. 82. Iss. 1–2. P. 72–84.

Fox W.L. Branding Ice: Contemporary Public Art in the Arctic // *Larsen J.K., Hemmersam P.* (eds.). Future North: The Changing Arctic Landscapes. L.: Routledge, 2018. P. 165–185.

Friberg I. The Endurance of Female Love: Romantic Ideology in H.S. Andersen's The Snow Queen // *Hansson H., Norberg K.* (eds.). Cold Matters: Cultural Perceptions of Snow, Ice and Cold. Umeå: Umeå University, 2009. P. 191–209.

Gerlach J., Kinossian N. Cultural landscape of the Arctic: 'Recycling' of soviet imagery in the Russian settlement of Barentsburg, Svalbard (Norway) // Polar Geography. 2016. Vol. 39. Iss. 1. P. 1–19. DOI: 10.1080/1088937X.2016.1151959.

Harbo L., Roto J. Gender matters: the importance of gender to settlements at the edge of the Nordic Arctic // *Taylor A., Carson D.B., Ensign P.C., Huskey L., Rasmussen R.O., Saxinger G.* (eds.). Settlements at the Edge: Remote Human Settlements in Developed Nations. Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, 2016. P. 98–124.

Huggan G., Jensen L. (eds.). Postcolonial Perspectives on the European High North. Unscrambling the Arctic. L.: Palgrave Macmillan, 2016. 155 p.

Постурбанизм и холод: геокультурные образы и репрезентации культурных ландшафтов...

Kenny M.J. Urban Planning in the Arctic: Historic Uses and the Potential for a Resilient Urban Future // Heininen L., Exner-Pirot H., Plouffe J. (eds.). Arctic Yearbook 2017. Change & Innovation in the Arctic Policy, Society and Environment. Akureyri, Iceland: Northern Research Forum. P. 133–146. URL: <http://www.arcticyearbook.com> (дата обращения: 09.09.2019).

Larsen J.K., Hemmersam P. (eds.). Future North: The Changing Arctic Landscapes. L.: Routledge, 2018. 226 p.

Laruelle M. (eds.). New Mobilities and Social Changes in Russia's Arctic Regions. L.; N. Y.: Routledge, 2017. 216 p.

Levander L. Women and Civilisation on Ice // Hansson H., Norberg K. (eds.) Cold Matters. Cultural Perceptions of Snow, Ice and Cold. Umeå: Umeå University, 2009. P. 89–105.

Løkken G., Haggårde M. Renewed sustainable planning in the Arctic // Hamdouch A., Nyseth T., Demaziere C., Førde A., Serrano J., & Aarsæther N. (eds.). Creative Approaches to Planning and Local Development: Insights from Small and Medium-Sized Towns in Europe. London: Routledge, 2016. P. 208–234.

Nyseth T., Pedersen P. Urban Sámi identities in Scandinavia: Hybridities, ambivalences and cultural innovation // ActaBorealia. 2014. Vol. 31 (2). P. 131–151. DOI: 10.1080/08003831.2014.967976.

Nyseth T., Viken A. (eds.). Place reinvention: Northern perspectives. L.: Ashgate, 2009. 246 p.

Peters E., Andersen Ch. (eds.) Indigenous in the City. Contemporary Identities and Cultural Innovation: Vancouver: UBC Press, 2013. 414 p.

Saxinger G., Petrov A., Krasnoshtanova N., Kuklina V., Carson D.A. Boom back or blow back Growth Strategies in mono-industrial resource towns — 'east' and 'west' // Taylor A., Carson D.B., Ensign P.C., Huskey L., Rasmussen R.O., Saxinger G. (eds.). Settlements at the Edge: Remote Human Settlements in Developed Nations. Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, 2016. P. 49–75.

Silin A.N., Tkacheva N.A. Formation of Human Resources in the Process of Circumpolar Region Development // International Journal of Economics and Financial Issues. 2015. Vol. 5 (Special Issue). P. 121–127.

Taylor A., Carson D.B., Ensign P.C., Huskey L., Rasmussen R.O., Saxinger G. (eds.). Settlements at the Edge: Remote Human Settlements in Developed Nations. Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, 2016. 488 p.

Thisted K. The Greenlandic Reconciliation Commission: Ethnonationalism, Arctic Resources, and Post-Colonial Identity // Körber L.-A., MacKenzie S., Stenport A.W. (eds.). Arctic Environmental Modernities From the Age of Polar Exploration to the Era of the Anthropocene. L.: Palgrave Macmillan, 2017. P. 231–246.

Tomiak J.-A., Patrick D. Transnational Migration and Indigeneity in Canada: A Case Study of Urban Inuit // Forte M.C. (eds.). Indigenous Cosmopolitans: Transnational and Transcultural Indigeneity in the Twenty-First Century. N. Y.: Peter Lang, 2010. P. 127–145.

Ween G.B., Lien M.E. Indigenous land claims and multiple landscapes: Postcolonial openings in Finnmark, Norway // Head L., Saltzman K., Setten G., Stenseke M. (eds.). Nature, time and environmental management Scandinavian and Australian perspectives on peoples and places. L.: Routledge, 2016. P. 133–149.

D.N. Zamyatin

National Research University Higher School of Economics
Myasnitskaya st., 13/4, Moscow, 101100, Russian Federation
E-mail: dzamyatin@hse.ru

Post-urbanism and cold: geo-cultural images and representations of cultural landscapes of the Northern and Arctic cities

The purpose of this article is to show the specifics of the formation of cultural landscapes and geo-cultural images of Northern and Arctic cities within the concept of post-urbanism. The ontological and phenomenological category of cold, crucial for understanding of this specificity, has a decisive influence on the formation of both material and expressive (mental) environments and identities of the inhabitants of the Northern cities. Cultural landscapes of cold represent an ambivalent anthropological phenomenon. This phenomenon captures the complex integrity of the unique geo-cultural imagery, spatial representations, and a system of adaptation patterns to low temperatures, and their consequences. The rise and fall of the Northern and Arctic cities, in conjunction with history of development of particular countries and regions, show the fragility of their cultural landscapes, whose representations may reflect the stages of decline, ruining or long-term conservation of residential areas, administrative and industrial buildings, technological and public infrastructure. Geo-cultural images of the Northern and Arctic cities are genetically linked to the increased mobility of their founders and inhabitants. The same Northern city can «produce» many differentiated images of cold, due to its geo-cultural patchiness. The image of cold can be considered as an important component of the symbolic asset of the Northern and Arctic cities, as well as a field of implementation and struggle of various post-colonial practices. Cold as an autonomous ontology and cultural landscape of the Northern city can be a phenomenological basis for the dynamic post-urbanism of the Northern and Arctic territories. The phenomenon of co-spatiality, fundamental for understanding the post-urban trends of social development, acquires a special configuration in the cultural landscapes of the Northern cities, contributing to the enrichment of the semantic space of post-urbanism in general. In the future, geo-cultural and

cultural-landscape studies of the Northern and Arctic cities may become some of the most important sources for accelerated development of new ontologies of mobile settlement systems.

Key words: post-urbanism, cold, cultural landscape, geo-cultural image, Northern city, co-spatiality, identity, post-colonial practices.

REFERENCES

- Bogoslovskaja L.S., Krupnik I.I. (Eds.). (2013). *Our ice, snow and winds: folk and scientific knowledge about the ice landscapes and climate of Eastern Chukotka*. Moscow; Vashington: In-t nasledia. (Rus.).
- Chartier D. (2017). What is the imagination of the North? In: D.N. Zamiatin, E.N. Romanova (Eds.). *Geokul'tury Arktiki: Metodologiya analiza i prikladnye issledovaniia*. Moscow: Kanon+, 13–28. (Rus.).
- Deleuze G., Guattari F. (2008). *Anti-Edip: Capitalism and schizophrenia*. Ekaterinburg: U-Faktoriya. (Rus.).
- Deleuze G., Guattari F. (2010). *The thousand plateaus: Capitalism and schizophrenia*. Ekaterinburg: U-Faktoriya; Moscow: Astrel'. (Rus.).
- Efimov A.V. (1990). *The colours of the city*. Moscow: Stroizdat. (Rus.).
- Eilmsteiner-Saxinger G. (2010). Multiple localities and social spaces of interregional shift workers: Home-Road-Watch. In: F. Stammler, G. Eilmsteiner-Saxinger (Eds.). *Krainii Sever: Osobennosti truda i sotsializatsii cheloveka — Biografiia, vakhrovyy trud i sotsializatsiia cheloveka v severnom industrial'nom gorode: Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii (4–6 dekabria 2008 g.)*. Novyi Urengoi, 116–126. (Rus.).
- Eliasson I., Knez I., Westerberg U., Thorsson S., Lindberg F. (2007). Climate and behavior in a Nordic city. *Landscape and Urban Planning*, 82(1–2), 72–84.
- Fox W.L. (2018). Branding Ice: Contemporary Public Art in the Arctic. In: J.K. Larsen, P. Hemmersam (Eds.). *Future North: The Changing Arctic Landscapes*. London: Routledge, 165–185.
- Friberg I. (2009). The Endurance of Female Love: Romantic Ideology in H.S. Andersen's *The Snow Queen*. In: H. Hansson, K. Norberg (Eds.). *Cold Matters. Cultural Perceptions of Snow, Ice and Cold*. Umeå: Umeå University, 191–209.
- Gerlach J., Kinossian N. (2016). Cultural landscape of the Arctic: 'recycling' of soviet imagery in the Russian settlement of Barentsburg, Svalbard (Norway). *Polar Geography*, 39(1), 1–19. DOI: 10.1080/1088937X.2016.1151959.
- Golovnev A.V. (2015). Arctic mobility: Technologies and strategies. *Severo-Vostochnii gumanitarnii vestnik*, 13(4), 7–11. (Rus.).
- Greimas A.Zh., Fontanii Zh. (2007). *Semiotics of passions: From the state of things to the state of the soul*. Moscow: LKI. (Rus.).
- Harbo L., Roto J. (2016). Gender matters: The importance of gender to settlements at the edge of the Nordic Arctic. In: A. Taylor, D.B. Carson, P.C. Ensign, L. Huskey, R.O. Rasmussen, G. Saxinger (Eds.). *Settlements at the Edge: Remote Human Settlements in Developed Nations*. Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, 98–124.
- Høeg P. (2002). *Smilla and her sense of snow*. S. Petersburg: Simpozium. (Rus.).
- Huggan G., Jensen L. (Eds.) (2016). *Postcolonial Perspectives on the European High North. Unscrambling the Arctic*. London: Palgrave Macmillan.
- Kenny M.J. (2017). Urban Planning in the Arctic: Historic Uses and the Potential for a Resilient Urban Future. In: L. Heininen, H. Exner-Pirot & J. Plouffe (Eds.). *Arctic Yearbook 2017. Change & Innovation in the Arctic Policy, Society and Environment*. Iceland: Northern Research Forum, Akureyri, 133–146. Retrieved from: <http://www.arcticyearbook.com>.
- Khaitun A.D. (1982). *Forwarding-rotational construction in Western Siberia*. Leningrad: Stroizdat. (Rus.).
- Khromovlu B. (1987). *Landscape architecture of the cities of Siberia and the European North*. Leningrad: Stroizdat. (Rus.).
- Larsen J.K., Hemmersam P. (Eds.) (2018). *Future North: The Changing Arctic Landscapes*. London: Routledge.
- Laruelle M. (Ed.) (2017). *New Mobilities and Social Changes in Russia's Arctic Regions*. London and New York: Routledge.
- Lefebvre A. (2015). *The production of space*. Moscow: Strelka Press. (Rus.).
- Levander L. (2009). Women and Civilisation on Ice. In: H. Hansson, K. Norberg (Eds.). *Cold Matters. Cultural Perceptions of Snow, Ice and Cold*. Umeå: Umeå University, 89–105.
- Lévi-Strauss C. (1983). *Structural anthropology*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Løkken G., Haggärde M. (2016). Renewed sustainable planning in the Arctic. In: A. Hamdouch, T. Nyseth, C. Demaziere, A. Førde, J. Serrano, N. Aarsæther (Eds.). *Creative Approaches to Planning and Local Development: Insights from Small and Medium-Sized Towns in Europe*. London: Routledge, 208–234.
- Nesmelaya A.S. (2013). Preservation of traditions of indigenous peoples of the North: (Socio-cultural analysis on the example of the Yamal-Nenets Autonomous district). *Vestnik TGU*, (2), 95–99. (Rus.).
- Nyseth T., Pedersen P. (2014). Urban Sámi identities in Scandinavia: Hybridities, ambivalences and cultural innovation. *Acta Borealia*, 31(2), 131–151. DOI: 10.1080/08003831.2014.967976.
- Nyseth T., Viken A. (Eds.) (2009). *Place reinvention: Northern perspectives*. London: Ashgate.
- Peters E., Andersen Ch. (Eds.) (2013). *Indigenous in the City. Contemporary Identities and Cultural Innovation*. Vancouver: UBC Press.
- Podvintsev O.B. (Ed.) (2016). *Russian Arctic in search of integral identity*. Moscow: Novyi Khronograf. (Rus.).

Постурбанизм и холод: геокультурные образы и репрезентации культурных ландшафтов...

- Romanova E.N. (1993). *Yakut holiday Ysyakh: Origins and performances*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Romanova E.N., Zamiatin D.N. (2017). Cold world: Two sides of measurement. In: D.N. Zamiatin, E.N. Romanova (Eds.). *Geokul'tury Arktiki: Metodologiya analiza i prikladnye issledovaniya*. Moscow: Kanon+, 6–13. (Rus.).
- Saburova L. (2016). The vast Far North: The boundaries of the Arctic identity, *Neprikosnovennyyi zapas*, (5), 69–94. (Rus.).
- Saxinger G., Petrov A., Krasnoshtanova N., Kuklina V., Carson D.A. (2016). Boom back or blow back Growth Strategies in mono-industrial resource towns — 'east' and 'west'. In: A. Taylor, D.B. Carson, P.C. Ensign, L. Huskey, R.O. Rasmussen, G. Saxinger (Eds.). *Settlements at the Edge: Remote Human Settlements in Developed Nations*. Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, 49–75.
- Schweitzer P. (2016). Indigenous peoples and urbanization in Alaska and the Canadian North. *Etnograficheskoe obozrenie*, (1), 10–22. (Rus.).
- Shubenkov M.V., Blagodeteleva O.M. (2015). In search of urban development principles of Northern settlements. *Gradostroitel'stvo*, 37(3), 76–81. (Rus.).
- Silin A.N., Tkacheva N.A. (2015). Formation of Human Resources in the Process of Circumpolar Region Development. *International Journal of Economics and Financial Issues*, (5), 121–127.
- Smirnov N.A. (2017). Composition of geo-cultures of the Arctic: Foundation of a new geo-cultural analysis. In: D.N. Zamiatin, E.N. Romanova (Eds.). *Geokul'tury Arktiki: Metodologiya analiza i prikladnye issledovaniya*. Moscow: Kanon+, 38–81. (Rus.).
- Taylor A., Carson D.B., Ensign P.C., Huskey L., Rasmussen R.O., Saxinger G. (Eds.) (2016). *Settlements at the Edge: Remote Human Settlements in Developed Nations*. Northampton, MA: Edward Elgar Publishing.
- Thisted K. (2017). The Greenlandic Reconciliation Commission: Ethnonationalism, Arctic Resources, and Post-Colonial Identity. In: L.-A. Körber, S. MacKenzie, A.W. Stenport (Eds.). *Arctic Environmental Modernities From the Age of Polar Exploration to the Era of the Anthropocene*. London: Palgrave Macmillan, 231–246.
- Tomiaik J.-A., Patrick D. (2010). Transnational Migration and Indigeneity in Canada: A Case Study of Urban Inuit. In: M.C. Forte (Ed.). *Indigenous Cosmopolitans: Transnational and Transcultural Indigeneity in the Twenty-First Century*. New York: Peter Lang, 127–145.
- Ween G.B., Lien M.E. (2016). Indigenous land claims and multiple landscapes: Postcolonial openings in Finnmark, Norway. In: L. Head, K. Saltzman, G. Setten, M. Stenseke (Eds.). *Nature, time and environmental management Scandinavian and Australian perspectives on peoples and places*. London: Routledge, 133–149.
- Zamyatin D. (2005). Local history and methods of modeling human-geographical image of the city. In: D.N. Zamyatin (Ed.). *Gumanitarnaya geografiya: Nauchnii i kulturno-prosvetitel'skii al'manah*, (2), 276–323. Moscow: Institutnaslediya. (Rus.).
- Zamyatin D.N. (2015). Geocultural space of the Arctic: Ontological models of imagination. *Mir psikhologii*, (4), 135–142. (Rus.).
- Zamyatin D.N. (2017). Arctic geo-cultures: Landscape, co-spatiality and ontological models of imagination. In: D.N. Zamiatin, E.N. Romanova (Eds.). *Geokul'tury Arktiki: Metodologiya analiza i prikladnye issledovaniya*. Moscow: Kanon+, 81–93. (Rus.).
- Zamyatin D.N. (2018). The post-city: Space and the ontological models of imagination. *Politicheskie issledovaniya*, (3), 147–165. (Rus.). DOI: 10.17976/jpps/2018.03.10.
- Zamyatin D.N. (2019). Post-city (II): Cartography of imagination and politics of co-spatiality. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 18(1), 9–35. (Rus.). DOI: 10.17323/1728-192x-2019-1-9-35.
- Zamyatin D.N., Kurilova S.N., Diakonova V.E. (2017). Geo-cultural branding of the Arctic territories (on the example of modeling the basic geographical image of the tundra). In: D.N. Zamiatin, E.N. Romanova (Eds.). *Geokul'tury Arktiki: Metodologiya analiza i prikladnye issledovaniya*. Moscow: Kanon+, 454–477. (Rus.).
- Zamyatina N. (2014). Social forest-tundra: Geographical mobility as an element of family trajectories of the inhabitants of Northern cities (by the example of Norilsk and Dudinka). *Neprikosnovennyyi zapas*, (5), 189–208. (Rus.).
- Zamyatina N.Yu. (2016a). Arctic urbanization as a frontier. *Nauchnii vestnik YaNAO. Obdoriya: Istoriya, kultura, sovremennost'*, (3), 114–120. (Rus.).
- Zamyatina N.Yu. (2016b). Symbolic capital of the territory in the context of Arctic migration: A view from Norilsk. *Etnograficheskoe obozrenie*, (4), 45–59. (Rus.).
- Zamyatina N.Yu. (2018). *Arctic cities between Scylla and Charybdis*. (Rus.). Retrieved from: <https://goarctic.ru/live/arkicheskie-goroda-mezhdu-stsilloy-i-kharibdoyl>.

Замятин Д.Н., <https://orcid.org/0000-0003-4105-8519>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 07.09.2020

Article is published: 27.11.2020